

УДК 167

ГИПОТЕЗА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

© 2011 г.

С.В. Шибаршина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

skolar@bk.ru

Поступила в редакцию 8.04.2011

Рассматривается использование гипотезы в социально-гуманитарных науках и связанные с этим проблемы: нормативные требования к научной гипотезе, возможность её выражения в виде метафоры, проверяемость гипотез, а также процедура интерпретации. Показаны сложности распространения общепринятых нормативных требований к гипотезе на социально-гуманитарное знание в целом. Предлагается рассматривать гипотезу в данных науках в её широком значении – как предположение, догадку; при этом отмечается необходимость развития её до статуса научной.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, гипотеза, научная гипотеза, предположение, теория, методология социально-гуманитарных наук, метафора, интерпретация, истина, проверяемость гипотез.

В настоящее время все больше появляется исследований, в которых рассматриваются проблемы социально-гуманитарного познания, специфика которого связывается с необходимостью восстановления в правах «эмпирического субъекта», то есть целостного человека познающего, взятого в целостности его мышления, чувств, деятельности, в его верованиях, надеждах, заблуждениях. Признается, что даже в «строго научном» знании он, явно или неявно, опирается на многообразные эмпирические суждения, принятые на веру, без доказательства. Это порождает множество когнитивных проблем, связанных с процедурами понимания и интерпретации, отсутствием строго логического следования, оценок и предпочтений и т.д. [12, с. 15], а также с необходимостью при обращении эпистемологии к социально-гуманитарному знанию переосмыслить в новом контексте критерии истины, достоверности-недостоверности, как и научности-ненаучности того или иного типа знания.

При этом сам термин «гуманитарный» не является строго обозначенным, что выявляется в различных подходах к нему и контекстах употребления. К тому же не всегда исследователи разграничивают понятия «гуманитарность», «гуманитарное знание» и «гуманитарные науки». В целом, как отмечает В.Н. Сагатовский, можно выделить три основных подхода в понимании природы гуманитарности. Первый объединяет позитивистов, структуралистов и материалистов. В его рамках гуманитарное знание может быть или построено по естественнонаучной модели, или так или иначе

структурировано. Согласно второму подходу, позиция которого была сформулирована в свое время Баденской школой неокантианцев, гуманитарность, в отличие от естественнонаучного знания, изучающего повторяющиеся явления, ориентирована на освоение уникального, неповторимого. Третий подход, представленный постструктурализмом, делающим акцент на принципиальной неопределенности любого знания, склонен редуцировать любое знание к своеобразной модели гуманитарности (всё есть «литература») [15, с. 115].

Каждый из этих подходов, с нашей точки зрения, создает обширное поле для критики, так как абсолютизирует тот или иной аспект понимания гуманитарности. Если принимать в качестве истинно научной модели естественнонаучную парадигму, тогда из поля зрения выпадают многочисленные социальные, психологические и коммуникативные явления повседневной жизни. В связи с этим В.О. Шаповалов подвергает сомнению попытки строго разграничить социальное знание как науку и гуманитарное как «штудии» (называющиеся так со времен гуманистов Возрождения и занимающие положение близкое больше к искусству, чем к науке). По его мнению, вряд ли возможно существование «чистого» (негуманитарного) социального знания, основанного на законах, аналогичных законам классического естествознания, так как подобные «законы» в социальной области построены на условном (мысленном) уподоблении общества объекту естествознания [21, с. 92].

В рамках второго подхода социально-гуманитарные знания лишаются желанного характера строго научной достоверности. Третий же подход лишает достоверного характера вообще все виды знания, но позволяет рассматривать любое предположение как вероятное.

С нашей точки зрения, понимание сущности и значения гипотезы в социально-гуманитарном знании как раз и зависит от близости конкретного исследования к тому или иному подходу. В настоящее время отмечается, что в отличие от точных и естественных наук в гуманитарных науках не имеется еще четко оформленного эмпирического базиса, основания, и методология познания здесь разработана недостаточно. [20, 5]. В них явно прослеживается следование идеалам естественнонаучного познания, что, впрочем, совсем не предосудительно, так как специфика социально-гуманитарного знания не исключает его сходства с естественнонаучным знанием.

Действительно, в социально-гуманитарных исследованиях гораздо чаще обсуждается уже готовое знание, но крайне редко – процедуры, с помощью которых оно было получено. В частности в лингвистике, в литературоведении, в культурологии и науках об искусстве исследования, где рассматриваются процедуры получения знания и анализируется исследовательский инструментарий, эти процедуры весьма малочисленны [20]. Одна из причин – немногочисленность специальных исследований, где бы глубоко и с разных сторон обсуждалось «устройство» гуманитарного знания, хотя в последнее время и наблюдается тенденция увеличения философских работ, посвященных специфике гуманитарных наук, гуманитарного познания.

В частности малоисследованными остаются проблемы выдвижения и проверки гипотез в гуманитарных науках. Если в точных и естественных науках имеются общепринятые критерии того, какой вид рассуждений можно считать доказательством, а какую гипотезу научной, то гуманитарии при использовании понятий «эксперимент», «наблюдение», «гипотеза», «проверяемость» не всегда вкладывают в них четкий смысл; более того, нередко они понимают содержание этих процедур чуть ли не противоположным образом [20]. Как известно, они менее ограничены требованиями научности в построении своих концепций, в условиях отсутствия четко эксплицированных общепринятых критериев. В определенной мере это является достоинством гуманитарных наук и стимулирует к более смелому выдвижению различ-

ных предположений, не обязывая исследователей формулировать их в виде научных гипотез. В этом же заключается и их «слабость», на основании которой «наукам о духе и культуре» порой отказывают в научности.

Отметим, что в науке в целом существуют различные подходы к определению гипотезы. Гипотеза рассматривается в разных ипостасях: и как форма развития знания, и как система знаний, и как форма познания, и как особый способ выдвижения и доказательства предположений. Активно проблемами гипотезы в советском периоде философии занимались Н.В. Блажевич, Л.Б. Баженов, Н.К. Вахтомин, Д.П. Горский, А.Д. Иоселиани, П.В. Копнин, А.А. Старченко, и др. Среди большого количества определений гипотезы общим для всех является утверждение о том, что гипотеза – это предположение, допущение предположительное, вероятностное знание, еще не доказанное логически, которое просто принимается и выдвигается в целях объяснения существования, свойств и причин исследуемых явлений [22, с. 5]. Казалось бы, на этом основании можно строго различать гипотезу и научную теорию, как это делает П.В. Копнин, отмечающий, что принцип, лежащий в основе теории, доказан, в то время как стержень гипотезы является проблематичным и требует доказательства, поэтому первая имеет достоверный характер, в ней больше «объективно верного» [9, с. 59]. Тем не менее, в свете резкой модификации ряда научных теорий в настоящее время исследователи не склонны выражать что-либо так категорично. К тому же при сравнительном анализе понятий «гипотеза» и «закон», «гипотеза» и «теория» приходят к выводу, что их довольно трудно разграничить – не только содержательно, но даже в языковом проявлении. Вероятность, неопределенность, потенциальность считаются свойствами объективной реальности. Признается, что любая наука строит свои теории в гипотетическом дискурсе [22, с. 3].

Несмотря на это, проблемы вероятностного и достоверного знания, а также критериев их различения, остаются. По-прежнему актуальны нормативные требования к гипотезе или к «тенденциям, явственно обнаруживаемым в гипотезах», которые являются, хотя и не строго формализованными, но все же условиями состоятельности научной гипотезы (речь идет о гипотезах в естествознании) [2, с. 157]. Среди основных подобных условий выделяют: 1) наличие согласия гипотезы с тем фактическим материалом, для объяснения которого выдвигается гипотетическая концепция. 2) принципиальная

проверяемость гипотезы (особенно проблематично для гуманитарных наук). 3) применимость гипотезы к возможно более широкому кругу явлений. 4) наивозможная логическая простота (также представляет сложность для гуманитарных наук в связи с частой здесь громоздкостью, а иногда и запутанностью построений, а также неясностью выражений и порой отсутствием четкой дефинированности термина) [2, с. 158–160]. 5) построение не одной, а сразу нескольких гипотез, что обеспечивает многосторонний подход к исследованию явлений [10, с. 21]. Из всех перечисленных условий обязательным признается второе, а остальные являются скорее желательными.

Что касается социально-гуманитарных наук, особенности и значение гипотезы здесь явно не однозначно, и подходы к ней, как нам представляется, во многом зависят от специфики конкретной области социально-гуманитарного знания, которая определяет возможность экспериментально проверять выводимые из гипотезы следствия.

В частности при рассмотрении методологии социологии и лингвистики представители данных наук напоминают о необходимости по возможности строго придерживаться методологических норм научного исследования. Лингвист Ю.В. Фоменко считает следующий цикл процесса продуцирования научного знания элементарным и обязательным для лингвистики (филологии). Этот цикл включает несколько взаимосвязанных компонентов: 1) социальная практика с ее разнообразными потребностями; 2) проблемная ситуация, детерминированная социальной практикой; 3) проблема; 4) гипотеза; 5) научная теория. При этом существуют два способа верификации знания (гипотезы) – эмпирический и внеэмпирический. Эмпирический способ – это соотнесение с фактами и эксперимент, внеэмпирический способ – сопоставление гипотезы со всей системой понятий и положений данной науки, применение правил формальной логики. Место лингвистики (филологии) в общем поле науки Ю.В. Фоменко видит так: «Если филология – наука, то все сказанное о науке имеет прямое отношение к филологии (лингвистике)» [18, с. 6]. В то же время он выражает сожаление (вполне оправданное) по поводу того, что современные языковеды «не различают гипотезы и теории, сильные / слабые гипотезы, не владеют методами верификации знания, не дефинируют вводимые ими новые термины, не считают нужным подводить под выдвигаемые точки зрения аргументационную базу» [17, с. 18].

Что касается социологов, по выражению Г.С. Батыгина «социологическое исследование должно выполняться по правилам даже в том случае, когда в обществе правила перестают соблюдаться». Признавая стремление исследователя «творить свободно», он тем не менее настаивает на том, что социолог не имеет права использовать аргумент типа «Я так вижу», а должен соблюдать методологические нормы научного исследования, иначе его вывод «не может считаться дисциплинарно корректным». В то же время среди многообразия методов и техник сбора и анализа данных он отмечает соседство математической статистики с «грандиозными мифами и литературным описанием повседневных жизненных обстоятельств» [3, с. 3].

В «Лекциях по методологии социологических исследований» Г.С. Батыгин рассматривает проблемы теории и гипотезы. Им проводится весьма справедливое разграничение понятий просто «гипотезы» («это вопрос») и «научной гипотезы» («это вопрос, заданный в соответствии с научными правилами»). Его мнение о статусе социологии как науки созвучно позиции Ю.В. Фоменко: «если социология хочет быть научной дисциплиной, она должна не просто творить картины мира, но конструировать их из гипотез» [3, с. 132].

В.И. Добреньков и А.И. Кравченко применительно к области социологии отмечают следующие нормативные «пожелания» к гипотезе: 1) с методологической точки зрения разработка гипотезы предполагает выдвижение максимально возможного количества следствий из одной гипотезы, а также создание альтернативных гипотез; 2) гипотеза должна предполагать тенденцию, а не факты, должна быть достаточно обобщенной; 3) гипотеза должна быть смелой, оригинальной, а не тривиальной, в противном случае она не имеет научной ценности; 4) гипотеза должна быть концептуально ясной. 5) гипотеза должна иметь эмпирические референты, под которыми подразумеваются живые люди или материальные объекты, которые охватываются данным термином или понятием; 6) гипотеза не должна содержать моральных оценок или суждений; 7) если общую гипотезу можно разбить на подгипотезы, следует это сделать; 8) гипотеза должна быть привязана к методам и инструментам [6, сс. 140–141, 145–147].

Отметим, что для дисциплин социально-гуманитарного цикла вполне применимо – по крайней мере, на данном историческом этапе – широкое понимание гипотезы как «предположения» и даже «предвзятой идеи». Пробле-

матично также использование понятия «теория», под которым в эпистемологии понимается развитая форма организации научного знания, в идеальном случае предполагающая дедуктивный метод построения и выведения знания. В точном смысле этого слова такого рода «теории» имеют место в естественных, математических науках, тогда как в гуманитарном знании речь идет о теории в широком смысле, как некоторой концепции, совокупности взглядов мыслителя, не связанных жесткой дедуктивной последовательностью, строгим обоснованием и доказательностью и направленных на объяснение, на интерпретацию чего-либо [12, с. 25].

Отметим, что понятийный аппарат социально-гуманитарных наук нагружен риторическими фигурами, что затрудняет распознавание в них гипотетического конструкта. В связи с этим отмечают особое значение метафоры в языке науки как инструмента переноса известного на неизвестное, причем не только в социально-гуманитарных, но и в естествознании и математических науках. Как отмечает М.Л. Мотыко, «метафора способна выражать гипотезу, задавая особое направление осмыслению изучаемого объекта» [14]. В таком случае метафора используется как прием введения нового знания при формировании научных гипотез [4, с. 126]. При этом она должна, постепенно устраняя неоднозначность, приближать исследователя к все более полному знанию природы изучаемого явления.

Порой метафора, выражающая некоторое предположение, так и остается в статусе метафоры, когда ее не представляется возможным превратить в научную гипотезу, из которой должны быть выводимы очевидные проверяемые следствия. В качестве примера такого конструкта Р.М. Фрумкина приводит классическую метафору фрейдизма – Эдипов комплекс [20]. Труды такого классика языкознания как В. фон Гумбольдт изобилуют метафористичными образами (язык как организм духа и как деятельность духа). Если мы рассмотрим эти выражения как выражающие гипотезу, то согласно критериям научности последняя оказалась бы принципиально непроверяемой. Все же подобные «предположения» сыграли весьма конструктивную роль в науке о языке, сформировав тенденцию антропологического подхода к нему, его изучения в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой, связи языка с ментальностью его носителей (тождество языка и национального духа у Гумбольдта) и т.д.

Следует отметить, что для социально-гуманитарного знания особое значение имеет процедура интерпретации, которая с необходимостью дополняет процедуру объяснения предпосылок и значений, смыслов текстов и явлений культуры. При этом точного, ясного и общепризнанного определения интерпретации нет. Интерпретацию возможно рассматривать и как приписывание, придание смысла объектам или выявление смысла в тех случаях, когда смыслы уже заданы при создании того или иного объекта – текстов, произведений искусства и т.д. Л.А. Микешина отмечает, что познавательный процесс предстает сегодня в системе интерпретирующей деятельности субъекта. Согласно исследованиям известного ученого, профессора бионики Эдинбургского университета Р. Грегори, познание предстает как процесс выдвижения перцептивных (перцепция – восприятие) гипотез, предсказание новых объектов, свойств, процессов, а затем их апробация [11].

Здесь актуальной является также точка зрения, отрицающая присутствие «абсолютного наблюдателя», а также «абсолютную истину», но признающая множественность пониманий, каждое из которых связано с особенностями конкретного наблюдателя. Здесь истина может пониматься как нечто глубоко личное, как индивидуальное видение мира и собственного уникального места, пути в нем. Согласно принципу «перспективизма» Х. Ортеги-и-Гассета, каждый человек в силу особого характера своей индивидуальности воспринимает определенный, соответствующий ему аспект реальности, т.е. организует мир в так называемую «индивидуальную перспективу». С точки зрения Н. Моисеева, мировоззренческое состояние современной науки отмечается множественностью интерпретаций (в том числе и не научных), в результате чего возникает некая единая голографическая картина, которую он называет «пониманием» [13, с. 81].

Подобный ракурс видения связан с рядом проблем. Во-первых, существование множественности интерпретаций еще не означает готовность каждого человека признавать другую, отличную от его точку зрения, и тем более применять ее положения на практике. Для ученого подобное качество весьма желательно. Например, как отмечает В.А. Звегинцев, А. Мейе с большим вниманием отнесся к работам Н.Я. Марра, стремясь обнаружить в них рациональное зерно, несмотря на то, что они опрокидывали все, что А. Мейе исповедовал всю жизнь [8].

Во-вторых, утверждение «у каждого – своя истина» можно вполне правомерно перефразировать в обратное «у каждого – своя ложь». В-третьих, множественность интерпретаций выгоднее использовать с точки зрения их дополнителности, иначе скорее неизбежен их конфликт, нежели взаимопонимание. Здесь вполне уместно вспомнить такую эзотерическую метафору как «точка сборки», которая позволяет взглянуть на мир, на людей и на себя с разных углов зрения.

Что касается научного познания, то здесь важной представляется одна из важнейших философских проблем, не имеющая ясного и легкого решения. Она сформулирована в названии статьи Е.А. Мамчур «Применима ли концепция возможных миров к миру научного познания?». Крайность положительного ответа на этот вопрос как постулирования множества миров, где все теории и парадигмы равно приемлемы, неизбежно должна означать и отсутствие способа, позволяющего установить истинность или ложность той или иной интерпретации. Отсюда вполне очевидным следствием может стать признание неограниченной свободы интерпретации, что при полном игнорировании общепринятых положений в той или иной гуманитарной науке становится оправданием для создания различных мифологем. В данном случае выдвигаются гипотезы и указываются только те факты (или то, что выдается за них), которые согласуются с этими гипотезами. Пример тому – любительская лингвистика, когда автор заявляет, что разгадал истинное происхождение значения слова: заметив некоторое сходство слов А и Б, он заявляет, что «слово А произошло из слова Б». При сравнении слов какие-то буквы любитель считает возможным отбрасывать, какие-то – домысливать, допускает перестановку букв и даже обратное прочтение. В результате можно представить какой-либо язык, например, свой родной, как прародитель всем языкам. В принципе, подобные действия можно оценивать как следование программе релятивистской методологии, а заявления профессиональных лингвистов – как возмущение против нарушения их монополии на выдвижение гипотез. Тем более что многие гипотезы в лингвистике, особенно связанные с происхождением слов, значений, проблемами праязыка и его родины, до сих пор остаются в статусе гипотез.

Проблема проверяемости гипотез – весьма уязвимое место в гуманитарных науках, что во многом связано с характером гипотез, выдвигаемых в данной области знания. Примечательно в этом отношении замеченное Р.М. Фрумкиной то

обстоятельство, что, к примеру, гипотезы основателя культурно-исторической школы в психологии Л.С. Выготского в большинстве случаев носили умозрительный характер и были глобальны, в то время как фактическая база выводов оказывалась локальной и подчас недостаточной [19]. В свою очередь лингвистика, как отмечает В.А. Звегинцев, не имеет разработанной и достаточно однозначной процедуры доказательств. Этим объясняется «убедительность» «волевых» аргументов, чисто количественного довода, а также оперирование неопределенными величинами в спорах относительно предпочтительности той или иной теоретической позиции. В связи с данным обстоятельством он сравнивает теоретические споры лингвистов с состязаниями средневековых арабских грамматистов, среди которых наиболее ценилось умение на заданное грамматическое правило привести большее количество примеров из бедуинской поэзии и фольклора [8].

Таким образом, по справедливому замечанию Л.А. Микешиной, научный поиск, в частности в лингвистических науках, невозможен без конвенционального выбора гипотезы (и соответственно понятий, единиц и методов измерения) в качестве «рабочей» [11].

Тем не менее, даже в социально-гуманитарном знании, так же, как например в естествознании, долгим опытом выработаны критерии, позволяющие оценивать степень обоснованности того или иного утверждения даже при условии невозможности доказательства в том смысле, в котором это возможно в математике. Вполне можно понять тревогу профессиональных ученых [7], связанную с деятельностью «любителей».

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, отметим проблематичность распространения критериев состоятельности гипотезы для всех социально-гуманитарных наук. В рамках большинства из них гипотеза скорее может рассматриваться широко – как предположение вообще, как догадка, обосновать которую крайне сложно или принципиально невозможно; теорию также уместнее понимать в широком смысле – как концепцию. Это все же не отменяет правомерности выдвижения гипотез, отвечающих нормативным требованиям, в особенности проверяемости ее следствий, если таковые вообще имеются. Правда, следует отметить, что нередко следствия не выводятся в рамках гуманитарных концепций. В целом, вопрос о месте гипотезы и особенностях ее формулирования, а тем более проверки, является открытым для дискуссий, как и вообще гуманитарное знание.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.
2. Баженов Л.Б. О гипотезе в естествознании // Вопросы философии. Вып. 9, 1962 С. 154–164.
3. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект-Пресс, 1995. 286 с.
4. Гусев С. С. Упорядоченность научной теории и языковая метафора. //Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 119–133.
5. Гусева С.В. Место и роль презумпций в структуре юридического знания: философский анализ: автореф. дис. канд. филос. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2009. 19 с.
6. Добренев В.И., Кравченко А.И. Методология и история социологии // Они же. Социология: в 3 т. Т. 1. М.: ИНФРА-М, 2000.
7. Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко // Вопросы языкознания. № 6. М., 2000. С. 33–68.
8. Звезгинцев Вл.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001 / [Электронный ресурс] // URL: http://www.ae-lib.org.ua/texts/zvegintsev_language_and_linguistic_theory_ru.htm
9. Копнин П.В. Место и значение гипотезы в познании // Вопросы философии, 1954. 4. С. 48–59.
10. Копнин П.В. Гипотеза и ее роль в познании. М.: Знание, 1958. 40 с.
11. Микешина Л.А. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ. 2е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ideashistory.org.ru/sciphil.html>
12. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.
13. Моисеев Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // Общественные науки и современность, 1994, №3. С. 77–87.
14. Мотько М. Л. Метафора и научное познание // Вестник молодых ученых, №1, Сб. науч. Трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004 / [Электронный ресурс] / URL: <http://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2004/01/37.shtml>
15. Сагатовский В.Н. Соотношение повторяющегося и неповторимого – основная проблема гуманитарной методологии // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Выпуск №12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 115–119.
16. Сауров С.Ю. Научная гипотеза в контексте методологии естествознания. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 166 с.
17. Фоменко Ю.В. Лингвистика должна остаться наукой // Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Сборник тезисов, М.. 2001. С. 18
18. Фоменко Ю.В. Мифы современной лингвистики: монография / Ю.В. Фоменко. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 176 с.
19. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 320 с.
20. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 58, № 4, 1999. С. 38–53. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM>
21. Шаповалов В.О. специфике гуманитарного знания (заметки на полях известной темы) // Обществ. науки и современность. 1994. № 1. С. 85–92.
22. Шевченко О.Г. Гипотетическое знание в модальностях языка: автореф. дис. ст. канд. филос. наук. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2009. 19 с.

A HYPOTHESIS IN THE SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

S.V. *Shibarshina*

The article deals with the use of the hypothesis in social sciences and humanities, as well as the problems connected with it, such as standards of a scientific hypothesis, its expression in the form of a metaphor, the procedure of interpretation. The author notes the possibility to view the hypothesis with regard to social sciences and humanities in its wide sense as an assumption, a guess. However, it is emphasized that if possible, it should be developed to a scientific hypothesis.

Keywords: social sciences and humanities, hypothesis, scientific hypothesis, assumption, theory, methodology of social and human sciences, metaphor, interpretation, truth, testing of hypothesis.